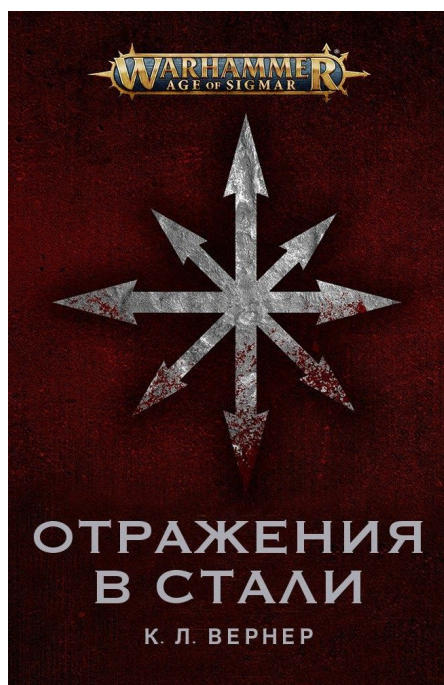

**Данный материал является интеллектуальной собственностью
telegram-канала Гильдии Переводчиков
<https://t.me/guildwh40k>
При его дублировании вы обязаны указать источник перевода**

Переводчик – Евгений Козлочков

Редактор – Юрия Скейс

Отражения в Стали

К.Л. Вернер

Удар был очень сильным.

Кенджи растянулся на земле, крепко приложившись головой а его зубы захрустели с тошнотворным звуком. Он попытался подняться, но удар тяжелого сапога вновь сбил его с ног. Юноша чувствовал, как в его кожу впились железные шипы на подошве. Он ощутил, как по спине стекают струйки его собственной крови, и по телу прошла дрожь.

Вокруг него царило настоящее бедствие: уши заполнила нарастающая какофония звуков ревущего пламени, мучительных криков обреченных и варварских воплей захватчиков. В нос ударил

едкий запах дыма, а во рту появился солоноватый привкус крови. От жара бушующих вокруг пожаров его плоть съежилась.

Каэссима умирал. Город, что устоял перед бедствиями чумы и голода, опустошениями волчьих охотников-гровов, диких упырей и под подлыми проклятиями ведьмы Бага-Яр, теперь был охвачен катастрофой, которую он не смог пережить.

Повернув голову, Кенджи уставился на человека, чей сапог стоял на его спине. Воин выглядел ужасающе: его доспехи, выкованные из Черного Железа, отлили в виде демонических фигур так, что с каждого сабатона на юношу смотрели чудовищные лица, а нагрудник представлял собой оскаленную пасть жуткого демона. Шлем, закрывающий половину головы захватчика, украшали огромные бронзовые рога, а маска была выкована в форме оскаленного черепа. Видимый под ней рот искажил свирепый оскал, обнаживший заточенные зубы. На бледном подбородке воина красовалась татуировка – багровое пятно в форме восьмиконечного знака.

В поднятой руке захватчик сжимал топор с зазубренным лезвием и изогнутым шипом на тыльной стороне. Кровь уже запятнала оружие, и когда часть ее капнула на Кенджи, он воскликнул от ужаса. Юноша знал, что это кровь его семьи, которую этот монстр убил, словно скот.

Внутри Кенджи вспыхнула ярость. Он попытался освободиться, но все, что ему удалось – беспомощно извиваться под сапогом воина. Его усилия лишь позабавили разбойника, вызвав приступ отвратительного смеха, который более походил на визги гиены, чем на звук, что могло издавать человеческое горло. Взирающие из глазниц череполикой маски жестокие глаза уставились на юношу.

Кенджи понял, что в следующий миг ужасный топор оборвет его жизнь.

Юноша повернулся, дабы не видеть опускающийся на его голову топор. Его глаза вдруг поймали и остановились на каком-то сверкающем предмете, пятне блеска в мрачном пейзаже битвы: на поверхности полированной стали меча с широким лезвием он увидел

свое собственное отражение и силуэт стоящего над ним воина. Топор начал медленно опускаться на шею юноши...

Рявкнул чей-то голос, и оружие дрогнуло от удара. Кенджи не понимал гортанного языка захватчиков, но он знал, что сказанное было своего рода приказом. Он перевел взгляд с блестящей стали на того, кто держал ее в руке.

Воин был очередным варваром – захватчиком. Высокий и широкоплечий, он в два раза превосходил разбойника, удерживавшего сапогом Кенджи, а его смуглую кожу отмечали бесчисленные татуировки и шрамы. Багровый доспех дикаря усеивало множество острых шипов, украшавших также наручи и поножи. На нагруднике висела гирлянда гвоздей, с которых свисали разнообразные жуткие трофеи: сморщенные уши, отрубленные пальцы, высохшие глазные яблоки и морщинистые языки. Надетый на варвара шлем темного цвета, казалось, переливался между темно-зеленым и черным. Он представлял собой волчью голову с изогнутыми, как у барана, рогами. Холодные серые глаза, вззирающие из-под череполикой маски, буквально поразили душу Кенджи, словно удар молнии.

Воитель в волчьем шлеме вновь окликнул пленителя Кенджи, и по тону юноша опять понял, что это была команда. Но в этот раз воин ответил с вызовом. Плюнув в мальчика, он злобно выругался. Кенджи увидел в отражении блестящей стали, как воин вновь поднял свой топор.

В мгновение ока варвар в багряном доспехе прыгнул на воина с топором. Сверкающий меч, словно молния, стремительно метнулся в ударе. Кенджи почувствовал кровь, брызнувшую на его спину. Он увидел, как рука, все еще сжимающая зазубренный топор, упала на землю и, подняв глаза, увидел как воин сжимает кровоточащий обрубок. В следующее мгновение меч темнокожего варвара обрушился вниз, рассекая череполикую маску и голову под ней.

Похититель Кенджи рухнул в грязь.

Юноша испытал настоящий восторг, наблюдая, как рассекают на части убийцу его семьи. Его зарезали, словно жалкое животное, и

Кенджи наслаждался видом бьющихся в предсмертных судорогах ног воина.

Он приготовился к удару, ожидая, что оружие варвара сейчас опустится и на его голову, но воин просто смотрел на него сверху вниз. Кенджи увидел, что меч не был запачкан кровью, и оставался таким же ярким и чистым, как и тогда, когда он впервые увидел в нем свое отражение. Юноша вздрогнул. Ему не нужно было объяснять, что в этом оружии заключены колдовские силы. Умереть от обычной стали – это одно, но умереть от зачарованного клинка – совсем другое. Жители Каэсшима верили, что жертва колдовства отдает свою душу тем, кто ее убивает.

Впрочем, убийство не входило в планы налетчика в волчьем шлеме. В третий раз Кенджи услышал гортанный голос варвара. В ответ на его слова выбежал темнокожий мужчина. Более низкорослый, чем воины, которых до этого видел Кенджи, он был облачен в более лёгкий доспех. Его лицо покрывали ужасные шрамы, а губы пронзали осколки костей – казалось, что у него два ряда зубов. Его голова была обрита наголо, и когда он повернулся, чтобы поговорить с налетчиком, Кенджи увидел череп, нарисованный на его затылке.

Всего одно мгновение захватчики разговаривали между собой, прежде чем варвар с мечом указал на Кенджи. Только сейчас юноше пришла в голову идея о побеге, но было уже слишком поздно. Когда он попытался подняться, ему на спину тут же прыгнул лысый варвар, снова повалив на землю.

Прижав Кенджи коленями к земле, он защелкнул на его шее тяжелый железный ошейник. Все то время, что юноша пытался вырваться, захватчик, меняя тон голоса и интонации, кричал на него. Наконец тарабарщина сменилась словами, которые Кенджи мог понять.

Варвар тут же уловил разницу в поведении Кенджи.

– Ты меня понимаешь? – повторил он с ноткой смеха, что подчеркивала его слова. – Глупо сопротивляться. Ты уже упустил свою возможность. Теперь ты принадлежишь нам.

Поднявшись на ноги, работорговец потянул за прикрепленную к ошейнику Кенджи цепь. Юноша задышался, пытаясь встать на ноги. Свирепо посмотрев на ухмыляющегося варвара, он резко развернулся и направился к лежащему на земле топору.

Он так и не заметил, что воин в волчьем шлеме все еще наблюдает за ним.

Не дотянувшись всего несколько дюймов до топора Кенджи замер. Его секундное колебание позволило работорговцу среагировать. Дернув за цепь, варвар потянул Кенджи назад. Он вытащил из-за пояса нож с изогнутым лезвием, но в это же мгновение голос мечника остановил его руку.

С привычной легкостью работорговец заключил руки Кенджи в бронзовые кандалы. Мрачно посмеиваясь, он повел юношу прямо через горящий город: они шли мимо торжествующих варваров, что разоряли окрестные дома.

Каэсшима умерла. Кенджи невольно задумался – как скоро он присоединится к своим соплеменникам в подземном царстве Нагаша? Долго ли еще чемпион с заколдованным мечом будет сохранять ему жизнь?

– Приготовь эти помои для лошадей!

Приказ исходил от бритоголового работорговца, Сазаала. Подчеркивая свои слова, он ударил хлыстом. Кенджи почувствовал, как тот скользнул по плечу, впиваясь в его кожу. По прошествии нескольких месяцев в рабстве он немного привык к плетям: ранее поцелуй хлыста вызывал слезы, но теперь с его уст срывалось лишь недовольное ворчание. Но если боль от ударов стихала, то вот его оскорбленная гордость лишь распалялась с новой силой, и с каждым новым ударом все больше семян ненависти прорастало в его душе.

Ненависть поддерживала в нем жизнь там, где другие уже давно сгинули.

Кенджи стоял в грязных полях на окраине лагеря Опустошителей. К его ошейнику прикрепили цепь, идущую от столба. Воины под предводительством Гхарма являлись всего лишь одним из отрядов

огромной армии, присягнувшей на верность Крамоту. Каждый день десятки отрядов покидали армию ради грабежей и убийств, возвращаясь спустя время с добычей из разрушенных поселений. Сотни закованных в цепи рабов, словно животных, держали в полях. Самых сильных из них заставили выполнять работу, которую варвары считали ниже своего достоинства.

С более слабыми и неуверенными в себе они разбирались с абсолютной безжалостностью.

Помои, которыми Сазаал хотел накормить лошадей, представляли из себя человеческие останки. Уже много раз Кенджи приходилось выполнять грязную работу по разделке мертвых рабов, разрезая их плоть на мелкие куски мяса, и измельчая в муку – он подготавливал трупы на прокорм чудовищным лошадям, которых использовали Опустошители. Варвары верили, что благодаря рациону из мертвецов их скакуны становились злобными и кровожадными, и тем самым больше подходили для кровавых завоеваний.

Впрочем, в этот раз Кенджи знал, что Сазаал целенаправленно выбрал его. Во время нападения отряда на Каэсшиму им удалось захватить всего нескольких рабов, и теперь один из них распластался у его ног. Даже несмотря на изможденное состояние и шрамы, покрывавшее тело, Кенджи удалось узнать ее лицо: она работала гончаром, и во время своих утренних прогулок до лесника он часто приносил ей глину и чаши. Тогда она была здорова и полна сил, а теперь же несчастна, опустошена и раздавлена жестокостью варваров.

Но было еще одно отличие, из-за которого сердце Кенджи сжалось в ужасе: в этой женщине все еще теплилась искорка жизни, в отличие от рабов, которых юноша разделявал ранее. Он обратил взор на Сазаала, который смотрел на него со злорадным выражением.

– Приступай к работе, – усмехнулся надсмотрщик, щелкнув хлыстом по телу раба. Пальцы Кенджи крепче сжались вокруг костяного ножа, который он держал в руке. Юноша был готов убить работорговца!

Хлыст снова щелкнул в его сторону, и его кончик пустил кровь на щеке Кенджи.

– Лошади голодны... Быть может, твое мясо накормит их лучше? – усмехнулся Сазаал, вновь заговорив на своем грубом родном языке. За дни, проведенные в плену, Кенджи очень быстро выучил дикий язык своих хозяев.

Юноша перевел свой взор на лежащую в грязи женщину, и она ответила ему взглядом, полным пустоты. Из ее души исчезла надежда... и даже страх. Осталась лишь горькая покорность судьбе.

Фатализм проклятых.

Сазаал снова хлестнул его кнутом. Кенджи противно было осознавать, какое удовольствие испытывает работорговец, причиняя ему боль. Единственное, что могло лишить его этой радости – подчинение. Демонстрация силы не приведет ни к чему хорошему, и он только растратит силы, которые так усердно копил. Женщина умрет в любом случае – он ничего не мог с этим поделать. Если не от его руки, так от рук кого-то другого. Возможно от того, кто даже и не помышляет о милосердии к ней...

– Мне очень жаль, – прошептал Кенджи. Наклонившись, он вонзил нож в ее горло. В ее глазах не было ни прощения, ни осуждения – только все тот же пустой взгляд, полный изнеможения.

– Никаких разговоров! – приказал Сазаал, хлестнув его по спине. – Работай или кричи! Это все, что тебе дозволено!

Не произнося ни слова, Кенджи свирепо посмотрел на работорговца. Тот, казалось, не заметил его, и юноша отвел взгляд. Он перевернул тело женщины, и приступил к своей отвратительной работе. Кенджи решил приберечь свою ярость на тот случай, когда ему наконец представится возможность отомстить. Он запер ее в себе.

Месть была единственной причиной жить.

Намотав хлыст на руку, Сазаал поднял глаза, повернувшись к лагерю Опустошителей. Кенджи, проследив за его взглядом, начал искать то, что привлекло внимание работорговца: почти до самого горизонта по полю раскинулись палатки из шкур и кожаные юрты. От сотен костров поднимались завитки дыма. Собравшаяся здесь орда издавала ужасную вонь: от лагеря исходил запах крови, пота и пламени. Кенджи видел различные ужасающие знамена и штандарты всевозможных вождей и чемпионов, а на самом высоком

из них красовалась геральдика самого Кравта Мрачного – мрачный тотем из освежеванной кожи, на котором красовалось изображение рычащего демона. Кенджи несколько раз видел самого военачальника и знал, что тот выглядит еще ужасней, чем изображенный на его знамени зверь.

Предводитель Опустошителей в два раза превосходил ростом любого из мужчин и обладал мускулатурой повелителя орруков. Из его пальцев торчали острые когти, а из лба вились изогнутые рога. Кравот был рождён смертным, но за свои деяния был избран темными Богами Хаоса, что вознесли его за пределы смертных возможностей. Ныне он скорее был демоном, чем человеком – то была нечестивая награда, к которой стремился каждый Опустошитель.

Внимание Кенджи переключилось с штандарта Кравота на штандарт Гарма. Он с легкостью нашел знамя, украшенное костями и увенчанное огромным черепом одноглазого волка. Увидев, что оно движется, отдаляясь от палатки чемпиона, юноша удивился.

– Заканчивай поскорее! – рявкнул Сазаал, но в этот раз, не подкрепляя свои слова хлыстом. – Лорд Гарм собирается совершить очередной набег.

На пронзенных костями губах работорговца расплылась кривая улыбка:

– На этот раз ты пойдешь со мной. Если мы захватим много рабов, я позволю тебе выбрать, кто будет жить, а кто умирать, – надсмотрщик рассмеялся, сплюнув в грязь. – Ты превосходно справляешься с такой работой.

Увидев гнев в глазах Кенджи, Сазаал расхохотался еще громче.

«Настанет день», – пообещал себе Кенджи. – «Когда смеяться буду уже я».

До глубокой ночи налетчики скакали по речным долинам. Те, у кого не было коней, бежали за всадниками, попутно сбрасывая снаряжение, чтобы не сбавлять темпа движения.

Не обремененный доспехами и оружием Кенджи заметил, что намного лучше справляется с жестокими приказами Гарма, чем его последователи. Но неумолимость военачальника было не совсем точным описанием. Он видел, как измученные воины, хватая ртом воздух, падали на землю, и их тут же убивали товарищи—Опустошители. Варвары были безразличны к слабости своих рабов, но беспощадны, когда дело касалось их собственных собратьев.

— Поторопись, — прохрипел Сазаал, хлопая Кенджи по спине свернутым кнутом. Работорговца раздражала выносливость раба, и осознание этого факта вызвало на лице юноши измученную улыбку.

— Прислушайся к своему собственному совету, — воскликнул в ответ Кенджи. Он махнул скованными руками в сторону упавшего воина и нависшего над ним варвара, что приготовился вонзить нож в его горло. — Я не хочу, чтобы тебя убил кто-то из них.

Когда упавшего налетчика зарезал его собственный соратник, улыбка на лице Кенджи стала еще шире, и он пробормотал:

— Никто не убьет тебя, кроме меня.

Сазаал ударил его по спине. Юноша споткнулся, но все же устоял на ногах.

— Обещаю тебе, ты упадешь раньше меня, — с этими словами надсмотрщик еще раз толкнул юношу в спину, и тот чуть было не растянулся на земле. Работорговец уже собирался попробовать еще раз, но в этот момент к ним подскочил всадник.

— Наши разведчики обнаружили впереди деревню, — произнес он, махнув шипастым моргенштерном в сторону скалистой гряды, ведущей в долину. — Там есть стены, но ворота открыты. Гарм сказал, что приведет нас и ударит по деревне раньше, чем они успеют закрыть их. Вы последуете за нами, чтобы успеть захватить добычу.

Воин вскинул кулак в знак приветствия:

— Слава и золото Кравоту Демоническому!

Ответом для него стали хриплые и разрозненные заявления о верности и славе Кравоту Мрачному. Гонец повернул коня, и

поскакал прочь, стремясь как можно скорее присоединиться к Гарму и его всадникам.

Кенджи взглянул на Сазаала и других налетчиков: на лице каждого из них застыло выражение горького разочарования, что заглушила усталость, сковавшая их тела. Несмотря на их клятвы о золоте и славе Кравоту, каждый жаждал заполучить собственные трофеи. Но теперь, когда всадники уже мчались далеко впереди них, пехота не надеялась получить ни того, ни другого.

– Во имя Бога Крови и Отца Чумы... я что, должен довольствоваться объедками, как какая-то жалкая собака? – прохрипел огромный варвар, потрясая топором и щитом в небо. Резко повернувшись, он устремился за гонцом. Жадность и зависть наполнили конечности воинов новой силой, и они поспешили последовать за ним. Оживший Сазаал подтолкнул Кенджи вперед, и их подхватила толпа.

– Я пополню свой караван, кормилец лошадей, – усмехнулся работороговец. – И если ты останешься в живых, то на обратном пути у тебя появится много новых друзей.

Кенджи не стал возражать – этой издевки было вполне достаточно, чтобы заставить его двигаться дальше. Впрочем, теперь он рисковал отстать: в отличие от варваров его не наполняла жажда наживы и убийства. Ярд за ярдом он начинал замедляться. Угрозы Сазаала более не могли вызвать в нем прилива сил.

Он слабел. Вскоре юноша упадет, и смерть настигнет его.

Кенджи уловил силуэт, проскользнувший сквозь кусты, которыми была усеяна долина. Он подумал, что это просто галлюцинации вызванные усталостью разума. День стремительно уступал позиции ночи, и по местности протянулись длинные тени. Юноша попытался убедить себя, что это просто игра света и тьмы, ведь даже в лагере Опустошителей Кравота он не видел настолько отвратительного существа, которое ему привиделось крадущимся в подлеске.

Спустя несколько мгновений он узрел его снова – или, по крайней мере, кого-то похожего. Лишь на один миг скользящий между теньями силуэт оказался в поле зрения Кенджи, и по коже юноши поползли мурашки: то была худощавая сгорбленная фигура,

покрытая грязными лохмотьями и отвратительным мехом, за которой волочился чешуйчатый хвост, а на плечах сидела длинная заостренная крысиная голова.

– Беги, пес! – рявкнул Сазаал, и его хлыст щелкнул по спине Кенджи. Прежде чем работорговец успел выдернуть плетъ и ударить снова, юноша развернулся и схватился за ее конец.

– Дурак, послушай меня! Что-то преследует нас! – он кивнул головой в сторону кустов.

Сердито посмотрев на Кенджи, Сазаал попытался высвободить свой хлыст, а другой рукой потянулся к дубине, висевшей у него на поясе. На мгновение он все же обратил свой взор на кусты, и его выражение лица тут же изменилось...

– Скавены!

На варваров набросилась стая нелюдей. Одновременно с края поляны выскочила вторая толпа крыс, чья шерсть вымокла от ползания по берегу реки. Кенджи заметил, что на некоторых из крысолюдов были надеты знакомые ему доспехи из железа и бронзы. Ему потребовалось лишь мгновение, чтобы узнать в них снаряжение, которое побросали и оставили на телах убитых товарищей налетчики. Теперь он понял, почему скавены преследовали их: жалкие падальщики хватали все, что оставляли после себя воины, а теперь, когда Гарм и его всадники усаkali вдаль, крысолюды почувствовали, что они достаточно многочисленны, чтобы попробовать сокрушить оставшихся воинов.

– Скавены! – подхватили крик воины, когда твари набросились на них. Могучие варвары разрубали мечами и топорами своих звероподобных врагов, а их молоты и цепи раскалывали черепа и дробили конечности. Вскоре землю усеяли тела убитых и искалеченных, но на место каждого убитого скавена тут же вставляли двое других.

Сазаал упал на спину и неистово размахивал кнутом, пытаясь держать на расстоянии напавших на него трех скавенов. Обнажая свои похожие на зубила клыки и размахивая кривыми мечами, твари злобно щебетали. Если бы они действовали сообща, то с легкостью

убили работорговца, но никто из них не хотел быть тем, кто примет на себя первый удар хлыста.

У Кенджи не было времени ни на Сазаала, ни на других Опустошителей. На него набросился крысолюд, покрытый коричневой шерстью. Он сжимал в лапах меч, в его носу красовалось кольцо, а на безволосых ушах – шипы. С ужасающей скоростью существо устремилось в его сторону, и только удача спасла жизнь Кенджи: он инстинктивно вытянул руки, пытаясь остановить клинок. В другое время меч скавена с легкостью прорезал бы его плоть, но сейчас его конечности охватывала прочная цепь кандалов.

По капризу судьбы клинок скавена вместо руки юноши ударил по металлическим звеньям.

Когда меч не вошел в плоть, то Кенджи показалось, что крысолюд удивился не меньше чем он. Казалось, что скавен не знал что делать дальше: он испуганно крутил головой из стороны в сторону.

Кенджи, в свою очередь, не испытывал подобных дилемм.

Бросившись на существо, он повалил его весом своего тела. Скавен пробовал выбраться, и, извиваясь под ним, хлестал хвостом и царапал когтями. Но для Кенджи, пережившего мучения в лагере Опустошителей, усилия крысолюда не доставляли никакой боли.

Вытянув руки вперед, он набросил цепь на горло крысы.

Отстранившись, юноша использовал каждую унцию своей силы, чтобы сломать твари шею.

Кенджи схватил меч мертвого крысолюда. Он посмотрел туда, где разворачивался основной бой. Несколько Опустошителей уже лежали на земле, а их тела стремительно грабили скавены. Другие крысолюды продолжали нападать на уцелевших, пытаясь разделить их, а затем использовать численное превосходство. Он предположил, что единственной причиной, по которой на него напал лишь один скавен, была его малая ценность, как у добычи.

Обернувшись, Кенджи отыскал глазами Сазаала. Теперь вокруг работорговца стояло четверо крыс. К ним присоединилось существо с копьём, и теперь, благодаря его усилиям дела Сазаала стали еще хуже. Всякий раз, когда варвар щелкал хлыстом по одному из них, крыса-копьеносец бросалась в его сторону, нанося колющий удар: из

дюжины ран на теле надсмотрщика текла кровь, а его левая рука безвольно висела на боку.

Логичным решением для Кенджи было бы убежать. В этой битве у него не было друзей, и какая бы сторона не взяла верх, он все равно проигрывает.

Его захлестнула ненависть. Если в этой схватке у него не было союзников, то определенно был один враг.

– Вы не получите его! – взревел Кенджи, бросаясь на крысолюдов сзади. Держа меч в обеих руках, он размахивал им, словно тесаком, и вонзил в спину копьеносца. Одним ударом юноша сломал крысе позвоночник, и существо рухнуло на землю. Пораженные внезапной смертью товарища, остальные скавены отскочили назад: и вновь их преимущество в скорости сводила на нет ужасная нерешительность.

Бросившись к ближайшему крысолюду, Кенджи ударил его клинком в лицо. Из рассеченной до кости морды хлынула черная кровь. Взвизгнув, крысолюд попятился назад. Меч Кенджи обрушился еще раз, рассекая скавена от плеча до живота.

Один из оставшихся в живых крысолюдов бросился на Кенджи, и тот попытался повернуться, чтобы отразить его атаку, но клинок создания рассек ему бок. Боль от раны едва ощущалась – из-за страданий, испытанных за время издевательств и пыток, ему удавалось блокировать ее в самой глубине своего сознания. Он ударил крысолюда, но тот поднырнул под клинок, и Кенджи всего лишь срезал кончик его уха. Пытаясь застать его врасплох, крыса тут же бросилась на него, но Кенджи даже и не думал уворачиваться: как только юноша увидел, что враг пригнулся для атаки, он резко опустил руки вниз. Рукоять меча и цепи, свисавшие с его запястий, словно молот, обрушились на голову скавена.

Ошеломлённый крысолюд рухнул к его ногам, и прежде чем тот успел подняться, Кенджи опять опустил руки. Он наносил удары вновь и вновь, пока не почувствовал, как под их шквалом треснул череп скавена.

Забрызганный кровью и мозгами своих врагов, Кенджи поднялся на ноги. Он увидел Сазаала, стоявшего над тушей последнего крысолюда. Работоторговец неуверенно посмотрел в его сторону,

крепче сжав рукоять своего меча. До них продолжали доноситься звуки битвы, но вокруг больше не было никаких монстров.

Раб и работорговец остались наедине.

– Ты спас мне жизнь, – неуверенно проговорил Сазаал.

– Нет, я не делал этого.

С этими словами Кенджи плюнул в работорговца. Без предупреждения он бросил свой меч прямо в лицо Сазаала, и оружие врезалось в лицо варвара, разрывая плоть губ, ломая хрящи носа и кости черепа.

Прежде чем Сазаал успел опомниться от удара, Кенджи бросился на него. Раб повалил своего заклятого врага на землю, придавив массой своего тела, из-за чего работорговец принял на себя основную тяжесть падения. Хватка надсмотрщика ослабла, и его меч отлетел в сторону.

Кенджи хлестнул Сазаала цепями по лицу, и они, словно бритвы, вспороли его кожу. Пытаясь сбросить юношу, работорговец бессильно хватал его руками, но Кенджи снова и снова продолжал хлестать цепями по голове варвара. Он рассек плоть на макушке Сазаала, и теперь со лба работорговца текла кровь, превращая смуглое лицо в багровую маску. Один его глаз потемнел от крови, а глазница другого рассыпалась на осколки кости. Какими бы жесткими не были увечья, они не могли насытить ненависть Кенджи.

Юноша смутно осознавал, как изменились звуки битвы. Дикое рычание скавенов сменилось пронзительными воплями ужаса. Варварские голоса торжествующе ревели, а стук копыт неумолимо приближался. Гарм и его всадники вернулись.

Спасение варваров мало заботило Кенджи. Все, что теперь имело для него значение – как можно сильнее истязать искалеченное существо под ним. Прежде чем он перестал хлестать Сазаала своими цепями, голова работорговца стала похожей на человеческую еще меньше, чем головы скавенов. Он не знал, когда умер Сазаал, и теперь проклинал себя за то, что упустил этот момент, и не смог им насладиться как следует.

Близкое фыркание лошади заставило Кенджи вскочить на ноги. О бегстве не было и речи. Это было бессмысленно. Варвары бы стремительно настигли его, да и он уже свел счеты с Сазаалом.

Кенджи готов был умереть.

Обернувшись, он неосознанно бросил взгляд на сверкающую сталь, которая, как он знал, могла принадлежать лишь заколдованному клинку Гарма. Его отражение было воплощением дикого насилия: с головы до ног юношу покрывала кровь скавенов, Сазаала и его собственная. Нанесенная крысолюдами рана кровоточила, как и борозды от ногтей от отчаянного сопротивления работорговца.

Гарм с минуту изучал Кенджи. Пришпорив коня, он поскакал вперед. Кенджи не стал убегать от приближающегося к нему клыкастого скакуна. Он даже не съезжился, когда чемпион направил в его сторону свой сверкающий меч.

Одним ударом Гарм разорвал центральное звено цепи Кенджи. Чемпион откинулся в седле.

– Беги, если тебе так этого хочется, – он кивнул на кровавую бойню, в которой Кенджи остался единственным выжившим. Смерть Сазаала, казалось, не имела для чемпиона не малейшего значения. – Но я не думаю что ты из тех, кто бежит.

– Ты разрушил мой дом. Убил моих родных, – Кенджи вызывающе посмотрел на Гарма.

– Я отделяю сильных от слабых, – ответил Гарм. – Тех, кто достаточно силен для побед, дабы обрести силы демонов. Тех, кто будет сражаться, – он указал мечом на Кенджи. – Если ты собираешься сражаться, то сражайся. Иди в деревню. Заполучи свою долю добычи и славы. Или же... можешь остаться здесь, – поворачивая коня в направлении остальных воинов, задумчиво сказал воин. – Тогда, возможно, ты умрешь от ран. Либо же сражайся с нами, и станешь одним из Опустошителей.

Он сделал небольшую паузу, а затем добавил:

– Если, конечно, ты выживешь.

Из ямы поднимался невыносимый жар. Кенджи видел, как на его бронзовые доспехи падает пот. Обмотки вокруг рукояти его меча из шкуры грифона почернели от влаги. Чтобы пот не заливал глаза, юноша снял один из трофейных скальпов с шипастых наплечников и завязал его под козырем шлема; впрочем, несмотря на все усилия, он все еще чувствовал, как по его бровям текут капли.

Нет славы без испытаний. Мысли Кенджи метались вокруг того, что можно было назвать кредо Опустошителей Кравота. Орда верила, что Темные Боги ценят только результат, что был достигнут тяжелым трудом. Прежде чем Кравот переродился в демона, он много вытерпел и выстрадал. Все те, кто хотел повторить его путь, прекрасно понимали, насколько он трудный. Слабые становились ресурсом, которые они использовали для достижения своих целей, и лишь в сильных врагах воины могли найти испытание, достойное взора Темных Богов.

В яме внизу были именно такие противники. Сама же она представляла из себя колоссальное ущелье, уходящее в глубину скалистой равнины, одной из десятков, что простирались по Северной пустыне. Извергающие в небо жирный коричневый дым, вулканические жерла выплевывали драгоценные камни, и теперь землю усыпали бриллианты, топазы и бирюза.

И все же никто не осмелился бросить вызов этим землям и собрать бесхозные богатства. Никто не осмеливался бросить вызов обитателям великой ямы.

Никто, кроме Опустошителей Кравота.

Кенджи видел, как вырезанная в стене ямы извилистая дорога, петляя по кругу, спускалась в ее расплавленные глубины. Далеко внизу, примерно на тысяче футов, или больше, бурлило и ревело озеро лавы, чей адский свет придавал разбросанным вокруг черным камням оранжевое свечение. Стены ямы усеивали вырезанные на ее поверхности странные конструкции. Вблизи поверхности они были малочисленны, но ближе к огненному озеру их становилось все больше – издалека они казались настоящим городом.

Каменным городом, спрятанным в жерле вулкана.

– Сражение достойное Богов! – проревел Гарм своим налетчикам. Как и большинство Опустошителей, чемпион оставил своего дикого коня на попечение рабов. Воинов мало привлекала перспектива бесславно сгинуть в огненной пучине из-за взбрыкнувшей лошади, когда была возможность умереть во славе.

Глаза Гарма оглядели налетчиков:

– Боги следят за нами. Но если вы опозоритесь перед ними, вам не нужно будет бояться их гнева – я лично выпотрошу каждого из вас и скормлю ваши внутренности горгонам!

Из ямы донесся бой барабанов. Кенджи видел, как по дороге маршировал плотный строй врагов: то была настоящая стена вооруженных существ, что растянулась от края ямы до отвесного обрыва с лавой внизу. В другой жизни, еще в те времена когда он жил в Каэсшиме, ему встречались низкорослые дуардины, что приезжали торговать в город. Армия, что маршировала навстречу орде Кравота, смутно напоминала их, но в тоже время ее воины, не походили ни на одного из дуринов, видимых Кенджи ранее: у них была черная блестящая кожа, что отдаленно напоминала оникс, а тела – мускулистыми и крепкими. Их волосы были собраны в большие, словно у василисков, гребни, что возвышались над их головами, а свисавшие до колен бороды заплетены в длинные косы. Всю растительность на своем теле они выкрасили в ярко-оранжевый цвет, напоминавший отражение лавы внизу.

Кенджи заметил мерцание, исходявшее от прилипшего к их коже золота. Каждый дуардин нёс в руках массивный топор, и юноша не сомневался, что они были достаточно сильны, чтобы с легкостью владеть таким громоздким оружием.

– Золото и слава! – прорычала стоящая ближе всех к Кенджи налетчица: то была неуклюжая светловолосая варварша из какой-то отдаленной части Гура, что поклонялась Темным Богам. Как и все жители ее деревни, воительница стремились присоединиться к Опустошителям, но из более чем двух сотен человек только она и еще десять воинов были признаны достойными для службы Кравоту.

– Ищи только славы, Ваня, – посоветовал ей Кенджи. – Золото и добыча ни куда не денутся, когда мы превратим своих врагов в падаль под нашими сапогами.

Воительница откинула назад прядь волос, и та обвилась вокруг рогатого шлема.

– Раз ты не хочешь, то я заберу твою долю, – ответила она. – Клань могут оспаривать твои боевые заслуги, но никто не поспорит с добычей, что ты принесешь.

Кенджи покачал головой, он не ответил. Она ничего не понимала. Важно было не то, что о твоих достижениях думали другие, а то, чего ты действительно достиг. Во время кровавой бойни единственным сердцем, что хранило память о том, как ты сражаешься, было твое собственное.

Это единственное место, где по-настоящему оценивалось достоинство воина.

Из глубины кратера донеслись крики на грубом дуардинском языке. Кенджи рассудил, что, скорее всего, царь в последний раз ободрял свою армию, или же то был жрец, что призывал на помощь духов предков. Крики стихли и им на смену пришла погребальная песня, чей ритм был столь же твердым и безжалостным, как и сам вулкан.

– На войну! – пронесся по толпе голос, что прошипел громче, чем тлеющее внизу озеро. Взмахом когтистой руки Кравот поднял меч, указав на идущую вниз дуардинскую дорогу.

И Опустошители бросились в атаку.

Налетчики Гарма располагались сразу за авангардом. Честь стать клинком, что первым рассечет ряды дуардинов, выпала на воинов Турра Дравголи в алых доспехах – людоедам из туманных пустошей Шаиша. Кенджи видел, как в голодных воплях раскрылись их клыкастые рты, и воинов охватила жажда крови. Он помнил, как защитники городов и деревень бежали от этого ужасающего зрелища, но дуардины остались непоколебимы. Их ряды разошлись, и вперед выдвинулись десятки застрельщиков. Кенджи решил, что они собираются ринуться в атаку на дикарей Турра, но вместо этого они бросили в их сторону топоры. Тяжелое железо и бронзовые доспехи не представляли никакой защиты перед их странными

лезвиями с золотыми крапинками, и те, врезаясь в людей, разрезали металлические пластины брони, словно горячие ножи масло. Прежде чем застрельщики отступили назад, они успели сделать еще один залп.

На начало атаки отряд Турра насчитывал около сотни воинов, но после двух залпов в живых не осталось ни одного каннибала. Приблизившись к мертвым и умирающим воинам, Кенджи учуял запах горелого мяса. Их потеря меркла с тем, что они сделали для остальной орды. Людоеды выиграли для Опустошителей время и расстояние. Когда вторая линия застрельщиков вышла из рядов, они успели сразить только дюжину врагов, но в этот раз дуардины нанесли удар не безнаказанно: на их атаку ответили стрелы и дротики. Когда противники увидели, как сразили их застрельщиков, ряды дуаринов издали могучий рев. Они не стали ждать приближения людей, и огромной волной устремились навстречу налетчикам.

Более не осталось времени на обмен залпами и Опустошители Кравота с грохотом железа врезались в атакующих дуардинов. Меч Кенджи метнулся вверх, и, пронзив мускулистую руку бородатого врага, отсекая ее вместе с зажатым в ладони топором. Не успел дуардин опомниться, как юноша тут же пнул его изувеченное тело в направлении другого противника. Столкнувшись, воины на мгновение потеряли равновесие, и прежде чем они успели опомниться, он хлестнул их зажатой в руке цепью. Один из дуардинов инстинктивно отпрянул от хлещущего металла, и, не удержавшись на ногах, перевалился со своим собратом за край обрыва.

На краю поля зрения он заметил мерцающий меч Гарма: чемпион сражался с дурдином, чье тело покрывало золото, отчего он более походил на существо из живого металла. Кенджи хватило мимолетного взгляда, чтобы понять — его предводитель столкнулся с опытным и могущественным врагом. Вполне возможно, что для Гарма, поиски демоничества закончатся на вулканическом погребальном костре.

Кенджи столкнулся с дюжим дуардином, что сжимал в руках обоюдоострый двойной топор. Стараясь избежать удара, юноша

отскочил в сторону, и лезвие пронеслось в дюйме от его головы. В ответ он нанес скользящий удар по противнику, но из-за покрывавших его тело золотых рун, удар не принес видимого эффекта. Кенджи хлестнул его зажатой в другой руке цепью, и не успевший среагировать дуардин отпрянул; из его порезанного лба хлынула кровь.

Его противник с двойным топором более не успел напасть. Прежде чем он успел опомниться, на него бросилась Ваня, зарубив своей секирой. Он рухнул в пыль на краю дороги; Ваня склонилась над ним, и начала вырезать руны из его тела.

– Оставь добычу на потом, – рявкнул на нее Кенджи. Она бросила на него злобный взгляд, но все равно продолжила обдирать труп.

Ваня исчезла в следующее мгновение. Из-за края пропасти поднялся огромный красный коготь. Ища опоры на земле, он рухнул на ничего не подозревающую воительницу. Уворачиваясь от второго когтя, Кенджи отпрыгнул в сторону.

Из стены вулканического кратера поднялось огромное чешуйчатое тело, и голова рептилии начала жадно хватать воздух.

Когда Опустошители заметили появившегося монстра, они тут же выпустили в него залп стрел и дротиков. Кенджи заметил, что стрелы отскакивают от чешуйчатой спины твари, не нанося никакого урона. Но вот дротики вонзились в нижнюю часть его туловища, и теперь из многочисленных ран монстра струилась раскалённая кровь...

Гигантская ящерица опустила голову и устремила свой взгляд на людей. Его покрытые чешуей челюсти широко раскрылись, и из усеянной клыками пасти вырвался поток пламени и дыма.

Огонь охватил десятки воинов. По мере того, как тела исчезали в пламени, их плоть обуглилась до костей, бронзовая броня потекла расплавленными брызгами, а хриплые крики превратились в пар.

– Узрите, Боги! – выкрикнул Кенджи.

Ящерица начала продвигаться вперед. Поставив на мгновение свои задние лапы на край обрыва, она на доли секунды высоко подняла свое тело. Кенджи стремительно бросился под ее исполинское

брюхо и рубанул мечом. Мягкая шкура живота рептилии треснула от удара, и Кенджи издал крик боли, когда дымящаяся кровь брызнула на него. Ящерица попыталась раздавить обидчика, и плюхнулась на брюхо, но юноша стремительно отпрыгнул в сторону.

Сердитое шипение существа подхватил восседающий на спине зверя дуардин. Бросившись на Кенджи, он нанес удар своей длинной секирой, и расколол его шлем надвое. Юноша упал ничком, и в этот же момент рептилия попробовала раздавить его когтями. Огромная ступня почти задела Кенджи, но тот успел откатиться, в отместку срубив ей один палец.

– Сразись со мной, ты, ползучий пес! – Пронзительно прокричал Гарм. В тот момент, когда ящерица и ее всадник уже повернулись к Кенджи, чемпион стремительно бросился в атаку. Испуганная свирепым криком, рептилия стремительно повернула голову. Пытаясь пронзить Гарма своими рогами, она опустила свою морду, но чемпион поднырнул под нее, и его сверкающий меч пронзил похожий на лезвие выступ.

На землю, вращаясь, упал рог длиной почти в фут.

Кенджи знал, что сейчас огненное дыхание ящерицы прикончит Гарма. Он все еще был в долгу перед воином за то, что тот сначала не дал казнить его, а потом подарил новую жизнь, и поэтому отмахнулся мечом от всадника, что пробовал сбить его с ног, и снова бросился на зверя. Его целью было единственное уязвимое место, до которого он мог дотянуться – обрубок отрезанного им же пальца. С жесткой самоотверженностью он рубанул по все еще кровоточащей ране мечом, поразив обнаженные нервы.

Запрокинув голову, ящерица заревела от боли. Несмотря на отчаянные попытки дуардина вернуть над ней контроль, она встала на дыбы. Поднявшись на задние лапы, зверь вновь обнажил свой живот. Кенджи увидел, как налетчик в волчьем шлеме бросился в атаку, и на его блестящем мече отразилась нанесенная им ранее рана. Обрушив свой меч на тварь, Гарм, как и Кенджи нырнул в сторону, когда зверь с грохотом упал на землю.

Всадник снова попробовал рубануть по юноше, но на этот раз он успел среагировать, обмотав цепь вокруг рукояти секиры. Дуардин был слишком силен, чтобы вырвать из его рук оружие, но не

настолько, чтобы освободить свой топор. Когда всадник был обезоружен, Кенджи снова рубанул по ноге ящерицы.

Взвыв от боли, зверь поднялась вновь, и Кенджи подкинуло над землей. Его болтающегося в воздухе веса было вполне достаточно, чтобы окончательно вырвать секиру из рук всадника, и он рухнул на землю в опасной близости от края котлована. Когда зверь шлепнулся на землю, юноша в отчаянии откатился в сторону, едва избежав участи быть раздавленным тушей.

Ящерица обезумела: ее хвост метался из стороны в сторону и наносил удары как по Опустошителям, так и по дуардинам. Из ее пасти вырывались потоки огня, но теперь они не были такими концентрированными и сфокусированными, как раньше, а представляли из себя мелкие брызги, что чаще били в каменные стены вокруг, нежели в плоть.

Гарм продолжил свою атаку. Доспехи чемпиона дымились от раскаленной крови ящерицы, но клинок все еще был невредимым. После атаки на зверя оружие Кенджи зазубрилось и затупилось, в то время как меч Гарма бил с прежней силой. Чемпион разрезал толстые пластины брони рептилии на боку, и пронзил скрывающуюся под ними чешуйчатую кожу. Из раны хлынул поток раскаленной крови.

Окончательно обезумевшая от боли ящерица повернулась к Гарму. В тот же момент всадник пытался повернуть ее в другую сторону. Рептилия на мгновение растерялась, и ее измученная туша потеряла равновесие.

С пронзительным криком всадник и его скакун перевалились через край и упали в лаву далеко внизу.

Кенджи отбросил в сторону свой поврежденный меч и огляделся в поисках нового оружия. Из-за ярости рептилии битва ушла от этой части дороги, и теперь здесь остались лишь мертвые. Юноша заметил изуродованное тело Вани и топор, что был все еще зажат в ее мертвой хватке. Он выдернул его из хладных рук воительницы — теперь она знала, кто из них оказался прав. Сначала слава, а потом золото.

– Ты раздобыл новое оружие, – заявил Гарм, отворачиваясь от края котлована. – Хорошее. По всей видимости, когда мы доберемся до подножия крепости, то вновь встретимся с этим проклятым зверем. Похоже, лава не причиняет ему никакого вреда.

Пальцы Кенджи крепче сжали топор.

– Голова монстра, которого нужно убить дважды, будет достойным трофеем, – с жаром проговорил он.

Гарм кивнул и направился обратно в бой.

Еще несколько мгновений Кенджи видел сверкающий между сражающимися воинами меч чемпиона, а затем он и вовсе потерял своего предводителя из виду.

– Этот день принесет много славы, – рассмеялся Кенджи. Отойдя от тела Вани, он снова бросился в бой.

Вопли умирающих и обреченных наполнили уши Кенджи. Эти звуки не приносили ему удовольствия, как и этот набег. Маленькое поселение было недостойно его внимания, а жители меньше, чем терзающие их лошадей клещи. Среди них не было достойных врагов. Кенджи был рад, что не призвал Темных Богов – для них это было бы равносильно оскорблению.

Кенджи изливал свое разочарование на каждом из встреченных им жителей. Серповидный меч, который он забрал в битве с побежденным королем нежити, покрылся запекшейся кровью жертв. Все, кто попадался на его пути умерли. Все они были равны для него, и он не знал пощады. Если бы не существование их жалкого городка, то банда Гарма нашла бы достойного врага, но вместо этого им пришлось рыскать по поселению в поисках провизии – ибо таков был приказ Кравота.

Каэсшима была поселением вроде этого. Осознание этого факта только сильнее распаляло ярость Кенджи. Столько лет он потратил в пустую, не видя реального положения вещей и цепляясь за иллюзии, которым его обучили в детстве? Воин – это тот, кто обладает мужеством взять от мира то, что он хочет, гордо стоять перед богами и приглашать их смотреть на его достижения...

Будучи Опустошителем, Кенджи сражался с деревянными демонами Гримнвольда и отрубил голову повелителю вампиров Арахдеша. Он съел все еще бьющееся сердце химеры, и на глазах умирающего зеленокожего выпил забродившую кровь вождя орруков. Он прошел сквозь врата Царств и ступил на земли, неведомые никому из его рода. И держал в своих руках более древние и удивительные сокровища, чем те, о которых говорилось в самых знаменитых легендах.

Теперь он был здесь! В каких-то безымянных никчемных трущобах, что не могли предложить ничего, кроме провизии для Орды! Развернувшись в ярости, он разрубил стоявший около него деревянный столб, что удерживал навес перед глиняным домом. Разрубленная пополам конструкция просела, и на улицу посыпались сланцы хрупкого камня, которые разлетелись с громким треском. В этот момент из-за корыта с водой выскочила фигура, и бросилась на Кенджи.

– Мелкий крысеныш, – прорычал Кенджи, выхватывая нож из руки юноши. Он ударил его цепью, все еще висевшей на его руке, и окровавленный юный крестьянин упал к его ногам. Прежде чем мальчик успел подняться, Кенджи ударил его ботинком, пригвоздив к месту.

– И это лучшее, что могут предложить эти трущобы?! – сплюнул Кенджи. – Это самый большой вызов, что вы можете мне предложить?!

Он уперся пяткой в спину мальчика, но не услышав крики боли, нахмурился.

– Отпусти его.

Услышав команду, Кенджи поднял голову. По узкой улочке к нему шел Гарм. Глаза под волчьей маской смотрели на пленника. В душе Кенджи вспыхнул гнев.

«Разве я собака, чтобы мне приказывали? Я сражался с тобой в сотни битв! Сражений! Не такие жалкие бойни, как эта. Здесь нет ничего достойного для нас! Это оскорбление для тебя, сигнал, что Кравот...»

Гарм перевел взгляд на Кенджи:

– Опusti его, – повторил он тем же властным голосом.

Воспоминания о прошлом вызвали у Кенджи противоречивые чувства.

– Этот жалкий щенок совсем не похож на меня, – отрезал Кенджи. – Он не воин. Он не заслуживает славы.

Гарм не стал спорить. Сверкающий меч в его руках направился в сторону Кенджи. Он поднял свой клинок, чтобы блокировать удар, но чемпион стремительно изменил угол атаки. Отполированный край впился в запястье и рассек его.

Рана лишь еще больше распылила Кенджи. Он хлестнул цепью по плечу Гарма, и звенья щелкнули по волчьей маске, так и не попав в глаза. Попытка отвлечь чемпиона не увенчалась успехом. Сверкающий меч вонзился в тело Кенджи, пронзив его грудь. Из его рта вырвался кровавый пузырь. Он рухнул на землю.

Пока жизнь покидала его, Кенджи наблюдал, как Гарм приказал одному из работоторговцев взять мальчика под свою опеку. Сжав в руках меч, чемпион развернулся и зашагал прочь, и воин увидел, как с зачарованного меча исчезли все следы его крови.

Умирая, он видел в мече свое отражение. Последнее видение перед тем, как его поглотила тьма.